

УДК 343.9
ББК 67.51В.И. Плохова,
доктор юридических наук, доцент,
Алтайский государственный университет

РОЛЬ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Показана роль криминологических исследований для разработки концепции противодействия преступности как в целом, так и по конкретным видам (подвидам) преступлений для выявления состояния развития общества, правовой системы страны, имеющих внутренних и внешних угроз. Выработка общей концепции противодействия преступности должна идти от частного к общему. Для этого необходимо определиться с особенностями той или иной группы преступлений, например, преступлений в сфере экономики, коррупционных преступлений, организованной преступности и других, изучить ценность для современного общества, действительное состояние развития тех или иных позитивных охраняемых отношений и деструктивной деятельности, посягающей на них, ее опасность для общества, вред, причиненный объекту. Для выделения видов охраняемой и преступной деятельности, для закрепления их элементов в признаках составов преступлений необходимо использовать содержание и структуру категории «деятельность».

Показана роль криминологических исследований при точечной или поправочной криминализации или декриминализации деяний. Сигналом для постановки вопроса о возможной криминализации деяний должны являться данные девиантологии о распространенности, типичности того или иного явления и причиняемом или возможном вреде существующим общественным отношениям. Вопрос о декриминализации деяний должен основываться не только на материалах зарегистрированной преступности и размере вреда, причиненного человеку, обществу, государству от нее, но и показателях нераскрытой и латентной преступности; размере реального причиненного вреда объекту охраняемой деятельности.

Криминологические исследования необходимы и для объективной оценки идеологии, культуры, уровня компетентности современного законодателя и правоприменителя, чтобы скорректировать современную политику в области юридического образования.

Ключевые слова: криминологическое исследование; концепция совершенствования уголовного права; криминализация, декриминализация; оценка уровня подготовки законодателя и правоприменителя.

V.I. Plokhova,
Doctor of Law, Ass. Professor,
Altai State University

ROLE OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH IN IMPROVING CRIMINAL LAW

The paper shows the role of criminological research for developing the concept of counteracting crime in general and specific types (sub-types) of crimes in particular in order to determine the developmental state of society and of the country's criminal system as well as existing internal and external threats. The overall concept of counteracting crime should be developed from particular to general. To achieve this it is necessary to determine the specifics of certain groups of crimes, e.g., economic crimes, crimes of corruption, organized crime and others, study the value for contemporary society, the actual developmental state of certain positive protected relationships and the destructive activity encroaching upon them, its danger for society, the damage inflicted upon the object. It is necessary to use the content and structure of "activity" category to determine the types of protected and criminal activities as well as to include them in the constituent elements of crime.

The author shows the role of criminological research in pointed or adjustment criminalization or decriminalization of actions. The deviantological data on how common or typical a certain phenomenon is and on its actual or potential damage to the existing social relations should signal the possibility of criminalizing it. The issue of de-criminalizing activities should be based not only on the registered crime data and amount of damages inflicted on a person, society or state, but also on unsolved and latent crimes' indices; the actual amount of damages inflicted on the protected object.

Criminological research is also necessary for objective evaluation of ideology, culture and competence level of a modern law-maker and law-enforcer with the aim of adjusting contemporary legal training policy.

Keywords: criminological research; criminal law enhancement concept; criminalization; de-criminalization; evaluating the training level of a law-maker and law-enforcer.

Происходящие в России изменения как позитивного, так и негативного характера требуют корректировки в регулировании общественных отношений, вот почему в настоящее время происходят столь частые изменения в российском законодательстве, в том числе и в Уголовном кодексе РФ. Новшества эти разные: одни из них действительно необходимы, другие зачастую недостаточно обоснованы, не согласованы с другими нормами действующего законодательства. При закреплении и толковании признаков составов преступлений не учитываются имеющиеся исследования криминологов. В результате в УК одни составы преступлений невозможно отграничить друг от друга (создание организованной группы и преступного сообщества); другие не соответствуют общественной опасности деятельности (специальные подлоги), или в одном составе (или понятии) с одинаковой санкцией помещаются разные по общественной опасности виды деятельности (организация экстремистского сообщества), либо они провоцируют отступления от буквы закона (террористический акт).

Общепризнано, что бессистемными изменениями нельзя улучшить уголовное законодательство. Прежде чем создавать и оценивать законы, необходимо определить (разработать) уголовно-политическую концепцию или систему идей, в соответствии с которой государство осуществляет свою репрессивную функцию, устанавливает ее пределы и гарантии личности от злоупотреблений. В настоящее время опубликовано несколько концепций совершенствования уголовного законодательства. Так, в гл. 12 Концепции развития российского законодательства, разработанной Институтом законодательства и сравнительного правоведения, предлагается концепция развития уголовного законодательства [4]. В ней обобщены критические замечания по изменениям, внесенным в УК РФ, предложения авторов по перспективам развития уголовного права, уголовной политике.

Кроме общих направлений совершенствования уголовного законодательства, видится необходимость в разработке ее разделов или отдельных программ по совершенствованию определенных видов преступлений. Для того чтобы разработать достаточно обоснованный, непротиворечивый, отвечающий современным общественным отношениям

Уголовный кодекс, необходима глубоко проработанная, обоснованная политика развития институтов или блоков, разделов Общей и Особенной частей уголовного права. Подтверждением корректности этого положения является, во-первых, то, что политика в отношении преступлений, допустим, против неприкосновенности личности и в экономической сфере должна быть разная; во-вторых, проявляющаяся в последние годы такая закономерность вносимых в УК изменений: в уголовный закон возвращаются нормы предыдущего УК, существовавшие многие десятилетия: административная преюдиция, некоторые альтернативные лишению свободы наказания, измененная, но все же конфискация имущества, административный надзор и уголовная ответственность за уклонение от него, посредничество во взяточничестве.

Центром правовых и экономических исследований в сотрудничестве с Институтом современного развития, по поручению Президента страны, разработана Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере*. Это интересный документ, предлагающий много конкретных предложений по криминализации-декриминализации отдельных деяний, изменению диспозиций и санкций действующих статей. Некоторые положения Концепции уже нашли отражение в изменениях гл. 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности». В документе показана актуальность многих обсуждаемых, но не решенных проблем. В Концепции, видимо, должны предлагаться общие решения, без которых не может быть и конкретных предложений по изменению УК.

Кроме того, при разработке концепции противодействия преступности как в целом, так и по конкретным видам (подвидам) преступлений необходимо учитывать состояние развития общества, правовой системы страны, имеющиеся внутренние и внешние угрозы. Мониторинг состояния развития общества проводят соответствующие институты, органы. С учетом его результатов, а также существующих внутренних и внешних угроз разработана Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г., Концепция долгосроч-

* Я.И. Гилинский утверждает, что социология девиантности является более общей теорией по отношению к наукам, изучающим отдельные проявления девиантности [1].

ного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. и другие документы, положения которых должны учитываться и отчасти учитываются при определении как основных идей, так и конкретных программ совершенствования или модернизации уголовного законодательства.

Наряду с этим в конкретных программных документах следует учитывать особенности, ценность для современного общества, действительное состояние развития тех или иных позитивных охраняемых отношений и деструктивной деятельности, посягающей на них, ее опасности для общества.

Для решения всех этих вопросов без криминологических исследований не обойтись, так как социальная составляющая криминализации, социология и психология преступности являются предметом изучения криминологии, а последняя – составная часть девиантологии. К социальной составляющей криминализации деяний относится изучение девиантного поведения в обществе. Только с помощью специалистов-юристов, или при их участии, с учетом особенностей уголовного права (предмета, метода, основ теории криминализации) можно оценить типичность распространяемого явления (характер общественной опасности), причиняемый или грозящий вред, возможность приостановления явления другими, не уголовно-правовыми методами. Это под силу криминологам, поскольку российская криминология создана на базе юридического образования.

Без учета современных разработок психологии, данных социологии и девиантологии нельзя творить и толковать закон в условиях реформ, невозможно соблюсти принцип верховенства права, справедливости, равенства граждан перед законом, определенности уголовно-правовых норм. Названные и другие положения, заложенные в Конституции РФ, в подписанных Россией международных документах, касающихся возможных ограничений прав человека и борьбы с преступностью, должны быть основным концептом в рассматриваемых нами документах всех уровней. Обосновывается это тем, что, во-первых, обязывает заложенное в Конституции РФ, решениях Конституционного Суда назначение государства: руководствоваться интересами защиты человека, общества, государства, неприкосновенности его естественных прав, соблюдения баланса интересов

и при объявлении, закреплении в УК признаков охраняемых и опасных разновидностей деятельности, и при назначении наказания; объявлять и соблюдать гарантии обоснованной криминализации и пенализации опасной для интересов безопасности личности, общества, государства деятельности; во-вторых, в России, судя по программным документам руководителей государства, решениям Конституционного Суда, пока наблюдается только попытка, стремление претворить в жизнь конституционные положения.

Представляется, что выработка общей концепции противодействия преступности должна идти от частного к общему. Прежде всего необходимо определиться с особенностями той или иной группы преступлений, например, преступлений в сфере экономики, коррупционных преступлений, организованной преступности и других, изучить ценность для современного общества, действительное состояние развития тех или иных позитивных охраняемых отношений и деструктивной деятельности, посягающей на них, ее опасность для общества, вред, причиненный объекту. Например, в разделе 8 УК «Преступления в сфере экономики» объединены довольно разнородные составы преступлений, с разными основаниями уголовной ответственности, квалифицирующими признаками. В науке уголовного права и криминологии неоднозначно определяется круг преступлений, подпадающих под преступления в экономической сфере (одни – узко, другие – широко). Представители уголовного права к этой группе преступлений относят только содержащиеся в гл. 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности». Некоторые криминологи к ним относят совокупность экономических преступлений, совершаемых только в ключевом сегменте экономики (системе хозяйствования, связанной исключительно с извлечением прибыли). Отдельные авторы не ограничивают перечень экономической преступности нормами гл. 22 УК, а используют синтезирующий подход, одни, включая большую часть преступлений против собственности, другие меньшую – только ст. 159, 160, 165 УК РФ, преступления в сфере высшего управления экономикой как государственного, так коммерческого и иного характера, посягающие на социальные права трудящихся (ст. 143, 215–219), утверждая, что от невыплаты зара-

ботной платы, например, страдает экономическая безопасность личности [2]. Возможно, если согласиться с авторами и признать в качестве родового объекта экономических преступлений экономическую безопасность личности, общества и государства, то в эту группу следует отнести и ст. 146, 147, ибо при второй форме совершения этих преступлений – незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности, тоже имеет место посягательство на имущественные интересы правообладателей.

Однако если отталкиваться от названной сути преступлений в сфере экономической деятельности, показывающей характер общественной опасности преступлений, то очевидна несправедливость в столь разных основаниях криминализации названных преступлений против собственности и в сфере экономической деятельности. Тенденции существенной декриминализации и пенализации преступлений (особенно налоговых) гл. 22 УК РФ не соответствуют основаниям привлечения к уголовной ответственности, ее дифференциации и санкции ненасильственных преступлений против собственности (например, ч. 2 ст. 146, ст. 160, 165 и др.). Она отчасти не соответствует и Концепции национальной безопасности РФ [6].

Законодательство о противодействии коррупции сравнительно долго разрабатывалось и обсуждалось. При этом в законе нет ни четкого ее определения, ни перечня составов преступлений, подпадающих под это понятие. В этой связи небесспорно замечание А.И. Долговой на парламентских слушаниях в Совете Федерации 14 апреля 2011 г. о том, что закон о коррупции неэффективен, потому что он непрофессионален, криминологически не обусловлен, не соответствует мировым правовым стандартам [9].

Международные документы (Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; Международная конвенция о борьбе с терроризмом) цель терроризма и террористического акта определяют альтернативно: или запугать население, нарушить общественную безопасность, или заставить органы власти, правительства либо международные организации совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Террористы часто не предъявляют конкретных требований правительствам, органам власти. По междуна-

родным документам – это террористический акт. В соответствии с диспозицией ст. 205 УК РФ террористический акт возможен только при наличии цели воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. При таком закреплении признаков состава преступления, не соответствующем ни международным нормам, ни криминологическим показателям, проблематично вменить этот признак участникам взрыва, например, произошедшего в Домодедово.

Не соответствует ни социологическим, ни криминологическим характеристикам и закрепление в УК РФ признаков организованных преступных групп. С учетом современной регламентации признаков преступного сообщества (ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ), видимо, рассуждать необходимо следующим образом: в структурированности находит отражение высшая степень организованной преступности: организация, корпорация, мафия и др., отличающиеся от других форм преступной деятельности своими масштабами. В социологической, психологической литературе приводятся формулы для определения степени организованности групп. Юристы их не используют, а потому замена термина «сплоченность» на «структурированность» не придала определенности понятию первой разновидности преступного сообщества – структурированной организованной группе.

Более того, в социологической, психологической литературе отмечается, что группа любого рода, которая собирается для достижения каких-либо целей на какое-то время, неизбежно каким-то образом структурируется. Сам факт, что мы являемся личностями с определенными талантами, предрасположенностями и историями, делает это неизбежным. Только если мы откажемся взаимодействовать на какой-либо общей основе, только тогда мы приблизимся к «бесструктурности», которая не является характеристикой человеческой группы. Выделяются группы с неформальной или скрытой и оформленной (формальной) структурой [8].

В современной криминологической литературе бытует мнение, что в основном организованные преступные группировки не имеют строго определенной структуры, отличаются гибкостью и быстрой адаптированностью [5]. В связи с этим, возможно, следует ограничиться характером совершаемых

преступлений преступными сообществами для закрепления в Особенной части УК РФ признаков отдельных их разновидностей, как предлагают некоторые криминологи.

При проведении как уголовно-правовых, так и криминологических исследований нельзя игнорировать современные достижения философов, социологов и психологов. Так, например, для выделения видов охраняемой и преступной деятельности, для закрепления их элементов в признаках составов преступлений необходимо использовать содержание и структуру категории «деятельность». Известно, что совершением действия реализуется, достигается ближайшая цель. Ближайшими являются цели, достижение которых реально возможно на данный момент благодаря наличию необходимых средств и условий. С понятием деятельности ассоциируется перспективная цель, которая совпадает с мотивом деятельности. Перспективными называются цели, более или менее отдаленные во времени, достижение которых находится в прямой зависимости от осуществления ближайших целей, причем последние становятся средством для достижения перспективных целей, когда для их непосредственного осуществления придет время.

Эти положения важны при выявлении сути или особенностей конкретных преступлений, для закрепления их объективных и субъективных признаков в статьях УК, толкования их, т. е. для решения вопроса о выделении отдельных этапов преступной деятельности в качестве самостоятельных составов преступлений, что произошло, например, при закреплении составов налоговых преступлений, рейдерских. Важность этих положений заключается в том, что понятие продолжаемого преступления в УК не закреплено, а понятие совокупности определяется законом недостаточно корректно.

Для выявления таких субъективных особенностей деструктивной деятельности как цели, мотивы, для их отражения в признаках составов преступлений, для толкования следует иметь в виду, что эти субъективные признаки по-разному проявляются в объективных признаках. Ближайшая цель находит отражение в действиях, перспективная или мотив – в деятельности. Мотив – это смыслообразующий элемент деятельности, который показывает, для чего, ради чего совершается вся цепочка действий. Этими положениями

необходимо руководствоваться и при определении единого преступления, и совокупности преступлений. Они являются основой для решения вопроса о действии закона во времени, когда в норме, например, стала указываться цель как обязательный признак состава преступления. Так, ст. 174 и 174¹ УК РФ называют «легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем». Термин «легализация» означает, что преступно нажитое имущество «отмывается» – придается правомерный вид владению, пользованию и распоряжению имуществом. Ближайшей целью действий является придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом. Однако этого правоприменителю показалось недостаточно, и в диспозициях названных норм была введена цель (придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом) в качестве обязательного признака. Сейчас авторы дискутируют по поводу того, смягчает это новшество ответственность или нет, ведь на самом деле норма не изменилась.

Много исследований криминологов, представителей уголовного права посвящено изучению сути рейдерства. Появившиеся антирейдерские составы преступлений (ст. 170¹, 185², 185⁴, 185⁵, 185⁶, 285³ УК РФ) однозначно оценить нельзя. Очевидна казуистичность норм: в их диспозициях предусмотрен длинный перечень документов, подлог которых стал уголовно наказуемым, и вариантов их использования; не очень четко названы признаки субъекта, да и субъективная сторона в некоторых составах преступлений отражена своеобразно, с указанием ближайшей цели (о которой свидетельствуют сами действия) и конечной. В ст. 170¹ УК РФ, например, названа ближайшая цель представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, документов, содержащих заведомо ложные данные, – внесение в Единый государственный реестр недостоверных сведений о конкретных обстоятельствах, которое (внесение) направлено на приобретение права на чужое имущество.

Часть действий, закрепленных в названных составах преступлений, – это специальные нормы общего или служебного подлога (ст. 292, 327 УК РФ), причем без специальной цели, и это можно расценить как криминализацию деяний. Встает вопрос лишь об обос-

нованности использования столь жестких мер за содеянное. Например, за подлог некоторых документов не должностным лицом, на основании которых были внесены запись или изменения в реестр владельцев ЦБ, если обязательное хранение этих документов предусмотрено законодательством РФ. С другой стороны, весь процесс приобретения права на имущество разбили на несколько этапов и поместили в отдельные составы преступлений. Многие из названных действий можно рассматривать как приготовление или покушение на мошенничество (ст. 159 УК РФ) с намного большими санкциями, по сравнению с рассматриваемыми.

Изменения в УК РФ появились через год после внесения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях многих из названных действий. Никто и не пытался выявить их способность в предупреждении преступной деятельности, да, видимо, и невозможно это узнать за такой короткий временной промежуток их существования.

Без криминологических исследований не обойтись и при точечной или поправочной криминализации или декриминализации деяний. В настоящее время наблюдается такая практика криминализации деяний: Президент страны высказывает идею о необходимости за определенные действия привлекать совершивших их лиц к уголовной ответственности, законодатель очень поспешно вносит изменения в УК, без уяснения особенностей деятельности, без криминологического обоснования, часто выделение специальных норм не соответствует и правилам соотношения их с общими нормами. Это касается не только специальных норм о подлогах, служебных преступлений, но и других. Криминализация деяний, предусмотренных ст. 263¹ УК «Неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах», произошла при отсутствии регулятивного законодательства в этой сфере, когда не было достаточно четкого определения разных уровней безопасности, требований к их обеспечению, четко не обозначены субъекты, отвечающие за обеспечение разных уровней безопасности на этих объектах. То, что структура госрегулирования и контроля в гражданской авиации России не соответствует стандартам и рекомендациям Между-

народной организации гражданской авиации (ИКАО), отмечалось экспертами этой организации еще в 2008 г. По результатам уже собственной проверки Счетная палата усмотрела в этом инертность ведомств. «Четыре года назад в России был принят федеральный закон «О транспортной безопасности» (2007 г.; уточнение мое. – В.П.), но многие необходимые нормативные документы, в том числе о безопасности в аэропортах, в продолжение этого закона до сих пор так и не приняты», – озвучил 11 мая 2011 г. журналистам аудитор Счетной палаты С. Рябухин [7]. Не случайно в январе 2011 г., после террористического акта в аэропорту Домодедово, эта норма правоохранительными органами даже и не упоминалась (судя по публикуемой информации, не могли определиться с субъектом, отвечающим за транспортную безопасность, возможно, не хотели). Это, с одной стороны. С другой – после январских событий был опубликован ряд законов, конкретизирующих и обязанности, и субъектов, отвечающих за соблюдение требований по обеспечению транспортной безопасности, но, по утверждению названного аудитора, не все.

Сигналом для постановки вопроса о возможной криминализации деяний должны являться данные девиантологии о распространенности, типичности того или иного явления и причиняемом или возможном вреде существующим общественным отношениям. Для дифференциации ответственности, закрепления признаков разных по отраслевой принадлежности правонарушений должно учитываться разное предназначение каждой отрасли права (точнее – закона). При почти одинаковой вредоносности правонарушений (например, административных и уголовных) следует руководствоваться международным принципом, согласно которому более жесткие меры ответственности могут применяться тогда, когда неэффективны или неприменимы менее жесткие меры ответственности. В этом плане особенно актуально изучение эффективности преюдициальных или смежных с уголовным правом всех правонарушений и ответственности за них. Данный вопрос важен не только с позиций соблюдения принципа соразмерности правовых ограничений тем целям, ради которых они возможны, но и из-за востребованности обществом оценки в данный исторический период развития России и ее правовой систе-

мы преюдиции в праве, ее значение в вопросе предупреждения более опасных деяний, т. е. преступлений. Это необходимо с учетом появившейся в ст. 178 УК РФ новеллы – систематической преюдиции.

Вот почему обновление уголовного законодательства требует глубокого анализа возможностей административной юстиции, эффективности использования мер административной или иной не уголовно-правовой ответственности; переосмысления уголовного законодательства на предмет его соответствия сложившимся отношениям как в плане закрепления признаков деяния, так и размера (возможно, с учетом инфляционных процессов в обществе) составляющих последствий.

Для закрепления конкретного размера в правонарушениях (административных и уголовных, например), которые разграничиваются часто размером вреда, причиненного общественным отношениям, возможно, есть смысл соотносить его (вред) с другими показателями (сопоставить его, допустим, с доходами населения, если речь идет о правонарушениях против личной собственности, от экономической деятельности в преступлениях в сфере экономической деятельности, с бюджетом – в должностных преступлениях и т. д.); в диспозициях фиксировать не конкретный размер вреда или ущерба (в условиях инфляции он со временем недостаточно отражает общественную опасность деяния), а кратный, например, прожиточному минимуму или с учетом уровня инфляции.

Вопрос о декриминализации деяний должен основываться не только на материалах зарегистрированной преступности и размере вреда, причиненного человеку, обществу, государству от нее, но и в показателях нераскрытой и латентной преступности; размере реального причиненного вреда объекту охраняемой деятельности.

С рассмотренных позиций необходимо проинспектировать все действующее уголовное законодательство. С учетом криминологической характеристики, особенностей деструктивной деятельности выделить группы или блоки преступлений (насильственная преступность, нарушение правил безопасности в различных сферах профессиональной деятельности, организованная преступность и др.). Определить действительные последствия и размер той или иной деятель-

ности (не только по материалам уголовных дел, но с учетом нераскрытой и латентной преступности), чтобы скорректировать не всегда справедливое установление размера, границ последствий, ущерба от преступной деятельности того или иного вида, чтобы более обоснованно предложить основания криминализации для многих преступлений, особенно не связанных с посягательством на личность и основы государства и общества.

Нельзя также не отметить, что закон – творение человека, потому он может быть недостаточно совершенным, не соответствовать на определенном этапе своего существования изменившимся проявлениям преступности, общественным отношениям. В связи с этим всегда востребована проблема изучения эффективности уголовно-правовых норм, их совокупности. Исследование и этого направления без криминологического анализа данных невозможно.

Амортизатором между законом и действительностью оказался правоприменитель. Восхищает мудрость, например, правовых позиций судей Конституционного Суда. Но часто удручает некомпетентность работников правоприменительной и правоохранительной системы. Об этом свидетельствуют два известных решения Конституционного Суда по определению размера контрабанды, обзоры судебной практики Верховного Суда (мировой судья не знает о существовании мелкого хищения, да еще вменяет легализацию). Между тем правоохранительная и правоприменительная деятельность осуществляется от имени государства. Некорректное применение норм УК существенно нарушает права граждан. В связи с этим, возможно, следует не столько заявлять об избытке в стране юридических кадров, сбрасывать их подготовку с государственного довольствия и упрощенного лицензирования, а, наоборот, контролировать и поощрять как оборонный заказ. Чтобы это доказать, оценить идеологию, культуру, уровень компетентности, сформировать правовую идеологию всех причастных к названной деятельности лиц, тоже нужны криминологические исследования.

За неимением отдельного научно-исследовательского центра по совершенствованию уголовного, административного законодательства при Президенте РФ (Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности ликви-

дирован как самостоятельное юридическое лицо), может быть, разработку отдельных блоков, разделов УК РФ поручить разным университетам, академиям, институтам (желательно под госзаказ), в которых имеются специалисты, исследовавшие тот или иной раздел, институт уголовного права, причем в разноотраслевом аспекте (особенно с административным правом), с криминологическим обоснованием. По каждому разделу должны анализироваться: состояние действующего законодательства и практики его применения, криминологические показате-

ли, пробелы и проблемы в закреплении, толковании и применении норм, предложения по совершенствованию законодательства, толкования и применения, их обоснование. В дальнейшем необходимо состыковать все исследования в единое уголовное право одним из НИИ (например, НИИ Академии Генпрокуратуры), а проекты как отдельных разделов, так и в целом УК РФ для обсуждения теоретическими и практическими работниками, населением публиковать в солидных, распространяемых по всей России изданиях, Интернете.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийства и других «отклонений». — СПб., 2004. — 520 с.
2. *Клейменов И.М.* Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности: монография / И.М. Клейменов, А.В. Пронников. — Омск, 2010. — С. 40–44.
3. Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. — М., 2010. — 196 с.
4. Концепция развития российского законодательства. — М., 2010. — 736 с.
5. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2005. — 540 с.
6. *Мельниченко А.Б.* Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности РФ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов н/Д, 2009. — 59 с.
7. Рос. газ. — 2011. — 12 мая.
8. *Фримен Д.* Тирания бесструктурности / пер. Э. Тханулы. — URL : http://avtonom.org/old/lib/theory/friman_tirrania.html?q=lib/theory/friman_tirrania.html
9. URL : http://www.crimas.ru/6_5_deyat_expertdeyat.php?razdel_expertdeyat=parlam_slush_sov_fed_profilakt_pravonar

REFERENCES

1. Gilinskiy Ya.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystva i drugikh «otkloneniye»* [Deviantology: Sociology of Criminality, Drug-Addiction, Prostitution, Suicide and Other “Deviations”]. Saint-Petersburg, 2004, 520 p.
2. Kleymenov I.M. *Ugolovno-pravovaya politika v sfere protivodeystviya ekonomicheskoy prestupnosti* [Criminal Law Policy in the Sphere of Counteracting Economic Crimes]. Omsk, 2010, pp. 40–44.
3. *Kontseptsii modernizatsii ugolovnogo zakonodatel'stva v ekonomicheskoy sfere* [Concepts of Modernizing Criminal Legislation in the Sphere of Economics]. Moscow, 2010, 196 p.
4. *Kontsepsiya razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Russian Legislation Development Concept]. Moscow, 2010, 736 p.
5. Luneev V.V. *Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossiyskie tendentsii* [Criminality of the XX century. Global, Regional and Russian Tendencies]. Moscow, 2005, 540 p.
6. Mel'nichenko A.B. *Ugolovno-pravovye sredstva obespecheniya natsional'noy bezopasnosti RF (avtoref. dis. d-ra nauk)* [Criminal Law Means of Ensuring National Safety of the Russian Federation (Doct. Dis. Thesis)]. Rostov-on-Don, 2009, 59 p.
7. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. May 12, 2011.
8. Frimen D. *Tiraniya besstruktturnosti* [Tyranny of the Lack of Structure]. Available at: http://avtonom.org/old/lib/theory/friman_tirrania.html?q=lib/theory/friman_tirrania.html
9. URL : http://www.crimas.ru/6_5_deyat_expertdeyat.php?razdel_expertdeyat=parlam_slush_sov_fed_profilakt_pravonar

Информация об авторе

Плохова Валентина Ивановна (Барнаул) — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии. ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (656099, г. Барнаул, проспект Социалистический, 68, e-mail: VPlohova@yandex.ru)

Information about the author

Plokhova, Valentina Ivanovna (Barnaul) — Doctor of Law, Ass. Professor, Professor, Chair of Criminal Law and Criminology. Altai State University (Sotsialisticheskiy Prospekt, 68, Barnaul, 656099, e-mail: VPlohova@yandex.ru)